
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА КАК ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

А.Л. Новиков, М.А. Рыбаков

Кафедра общего и русского языкознания
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье ставится проблема иерархического устройства грамматической категории падежа, рассматриваются предпосылки и задачи такого исследования. В статье также представлен обзор различных точек зрения на семантическое устройство категории падежа, анализируются принципы структурирования данной категории.

Ключевые слова: грамматика, категория, морфология, падеж, семантика, система, структура, типология.

Любая грамматическая категория представляет собой систему взаимосвязанных форм и значений. Уже в категориях бинарной структуры (например, единственное — множественное число, прямой — косвенный падеж) одна из форм и соответствующее ей значение является исходной. Если исходная форма выражается нулевым показателем, в парадигме категории возникает формальное отношение деривации (например, категория числа в английском языке или падежа в амхарском), если все формы обозначены материальным показателем — формальное отношение моции (например, число и падеж в 1-м склонении в русском языке). Соотношение исходной формы с косвенными уже задает иерархию внутри категории.

В семантическом плане исходная форма представляет категорию в целом и в условиях нейтрализации выражает противоположное значение, например, форма единственного числа, употребляемая для обозначения множества предметов. В падежных системах также возможна нейтрализация, которая проявляется в том числе и в ряде двухпадежных языков. Например, в языке яки юто-ацтекской семьи падеж регулярно нейтрализуется в формах множественного числа, в алеутском языке — в формах двойственного и множественного числа, а в ваханском и сарыкольском языках памирской подгруппы иранской группы индоевропейской семьи — в формах единственного числа, но при этом различается во множественном числе [2. С. 197—200].

В классифицирующих категориях имени существительного, таких как род, одушевленность, именной класс, все формы семантически равноценны и словоизменительных парадигм данные категории не образуют.

Разграничение в системе падежа исходной формы (прямой, именительный падеж) и вторичных форм (косвенные падежи) восходит к античной грамматике, где ему придается принципиальное значение. Аристотель считает именем только форму именительного падежа, остальные формы — уже не имя, а «падежи», т.е. отклонения от имени [1. С. 488]. Впрочем, Аристотель называет падежом неисходные формы любых частей речи, и только у стоиков слово «падеж» приобретает современное терминологическое значение [13. С. 193]. При этом стоики также противопоставляют именительный и косвенные падежи.

Аполлоний Дискол выстраивает в определенной последовательности косвенные падежи: родительный — дательный — винительный — звательный — и считает эту последовательность естественной [12. С. 226].

Вопрос об иерархии падежных значений был поставлен в работе Р. Якобсона, представившего падеж как категорию внутренне структурированную на основе трех семантических оппозиций отношения, объема, периферийности, оформления. Общую систему русских падежных противопоставлений Р. Якобсон суммирует в следующем виде.

Рис. 1. Падежная иерархия по Р. Якобсону [16. С. 167]:

Р. I — родительный, Р. II — партитивный,
М. I — изъяснительный, М. II — местный падеж

Е. Курилович, разделив падежи на грамматические и семантические, отнес первые к ядру падежной системы: «Скелет системы образуют грамматические падежи, представляющие синтаксические функции» [6. С. 194]. Тройка грамматических падежей (номинатив, аккузатив и генетив) составляют основу индоевропейской падежной системы [6. С. 196]. Инструменталь, датив, аблатив и локатив занимают нижний ярус иерархии.

Рис. 2. Падежная иерархия по Е. Куриловичу

А.Ф. Лосев, отметив структурную многомерность падежной категории, представляет ее как семантическую последовательность форм, так или иначе выражающих субъект-объектные отношения в имени. Эту иерархию форм можно представить в виде следующей схемы.

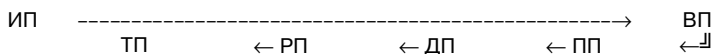

Рис. 3. Падежная иерархия по А.Ф. Лосеву

Именительный падеж говорит об активной смысловой значимости субъекта и нулевом общении с объектом. Субъект является носителем бесконечного числа предикаций и потенциально заряжен любыми соотношениями со всеми возможными объектами. Винительный падеж называет максимально пассивный объект. Опосредованно-потенциальное действие объекта, по А.Ф. Лосеву, заключается в значении предложного падежа. Непосредственно-потенциальный объект обозначается дательным падежом. Родительный падеж выражает уже активность объекта, хотя и не по субстанции, но по его родовой общности. И, наконец, наибольшей активности достигает тот объект, который выражается творительным падежом [7. С. 230—243].

При таком представлении иерархии падежей возникает вопрос об иерархическом статусе предложного (местного и изъяснительного) падежа, который в функции местного падежа все-таки выражает не объектное, а обстоятельственное значение. Кроме того, по типологическим данным, трехпадежные системы в качестве третьего элемента включают падеж, функционально равный родительному и дательному, но не местному или изъяснительному.

Г.П. Мельников в качестве основы группировки падежей использует «представления о коммуникативных (а не просто синтаксических, морфологических или семантических) функциях слов в сообщении» [11. С. 41] и полагает, что еще непосредственное функция падежей может быть сформулирована в терминах их «коммуникативного амплуа», т.е. специализации форм слов к выражению темы или ремы.

общая функция (1)								
общетемная (2)			общеремная (3)					
собственно-темная (4)	общеприемная (5)		собственно-ремная (8)	общеприемная (9)				
	—	партициптивная (6)		общеприемная (7)	—	прямо-объектная (10)	общекосвеннообъектная (11)	
—	—	—	—	—	адресатная (12)	общесопроводительная (13)		
—	—	—	—	—	—	собственно-сопроводительная (14)	общекосвенно-сопроводительная (15)	
—	—	—	—	—	—	—	собственно-локативная (16)	собственно-косвенная (17)

Рис. 4. Иерархия падежных функций по Г.П. Мельникову [11. С. 44]

В модели падежной системы Г.П. Мельникова, таким образом, выделяется 17 коммуникативных функций падежа, подразделяемых на 7 иерархических уровней и 8 ветвей, реализующих общую (инвариантную) функцию падежа — представлять ситуацию в определенном коммуникативном ракурсе. Модель такого типа — построенная на дедуктивном исчислении функций падежной формы в высказывании — применима не только к какому-либо одному языку, но также к ти-

пологическому и общелингвистическому анализу данной грамматической категории и тем самым носит универсальный характер.

Развивая идеи Г.П. Мельникова о системности языковых категорий и функциональной значимости грамматических форм языка, С.А. Лутина анализирует обозначаемую падежными формами степень причастности партиципанта к развитию события и представляет ее в виде следующей схемы:

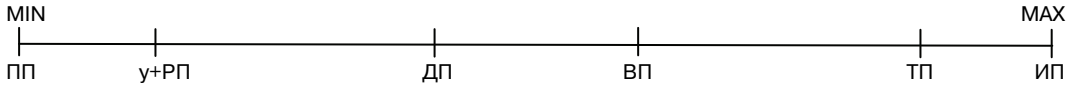

Рис. 5. Шкала имманентной активности русских падежей С.А. Лутина [10. С. 38]

Родительный падеж как элемент падежной системы рассматривается С.А. Лутиным только в составе конструкции *у+РП*, который полагает, что этот падеж входит в систему не во всем объеме, а только в данном грамматическом значении, и остался особняком среди падежей, так как не способен сам выражать семантические отношения в словосочетании без помощи контекста, при этом входя в грамматическую систему языка в целом [10. С. 25—26].

А.Ф. Дрёмов в свете системной теории языка Г.П. Мельникова характеризует падеж «как центральную, высшую грамматическую категорию имени, а систему падежей — как грамматическое ядро внутренней формы языка флективного типа, которая непосредственно соотносится с диалектическими категориями события, основания, причины, условия, следствия, действия, актанта события и т.п.». На основе этих диалектических категорий А.Ф. Дрёмов устанавливает следующую последовательность падежей в русском языке [5. С. 164]:

ИП (причина) > ВП (→ следствие I) > ДП (→ следствие II) > ТП (условие→) > РП (←основание).

П.М. Аркадьев включает в падежную систему русского языка 8 падежей, выделенных Р. Якобсоном, и представляет ее внутреннее устройство в следующем порядке [3. С. 62]:

Именительный > Винительный > Родительный > Частичный > Дательный > Предложный > Местный > Творительный.

В этой модели рядом находятся падежи, формы которых могут совпадать, а также отражаются морфологические свойства падежей и их роль в системе языка.

В.И. Бельтюков рассматривает проблему иерархии падежей с точки зрения онтогенеза как последовательность усвоения ребенком падежных форм родного языка.

Рис. 6. Становление падежной системы по В.И. Бельтюкову [4. С. 145]

В работе С. Дика представлена иерархия семантических ролей [18. С. 74f]:
агенс — пациенс — адресат — бенефактив — инструмент — место — время.

Эта иерархия подсказывает третье место для дательного падежа в падежной системе языков, выражающего третью и четвертую роли этой иерархии, четвертое — для инструментального (в русском языке — творительного) и пятое — для местного падежа. Показательно, что нет никакой специфичной семантической роли для родительного падежа, который выражает различные роли и часто вообще не связан с непосредственными участниками события, а значит, и в иерархии падежей его место более точно отражено в схемах А.Ф. Дрёмова и С.А. Лутина. Периферийное место для родительного падежа отводит в иерархии латинских падежей Х. Пинкстер, расставляя падежи по степени их участия в кодировании аргументов предиката [20. С. 167]:

nom > acc > dat > abl > gen.

Четвертое место в иерархии отведено родительному падежу в работе Г. Мюллера, который в таблице русского склонения располагает их в следующем порядке [19]:

nom > acc > dat > gen > inst > loc.

В то же время Е. Курилович не случайно ставит родительный падеж на третье место, как падеж с общекозвенной функцией. Так, например, в русских грамматических описаниях арабского языка выделяется три падежа: именительный, винительный и родительный. Правда, эти названия искажают реальную картину. Второй падеж арабской системы (арабское название — *наиб*) является не только винительным, но выполняет функции дательного и творительного, а третий падеж (арабское название *джарр*) используется в различных конструкциях с предлогами и выполняет функции родительного и предложного падежей [15. С. 22]. В иерархии падежных функции Г.П. Мельникова родительный падеж с его общеприемными функциями занимает высокое место, но в боковом ответвлении иерархического дерева, что указывает одновременно на грамматическую значимость родительного и удаленность его инвариантного значения от основных актантных (приемных) функций. Этим также объясняется способность родительного контекстуально выражать как субъект, так и объект действия.

Б. Блейк выстраивает иерархию падежей исходя из типологических наблюдений. В языках с двупадежными системами выделяются номинатив и аккузатив-обликвус, или, точнее, прямой и косвенный падежи, как предлагает П.М. Аркадьев, т.к. при наличии всего двух падежей можно говорить только о наиболее общих функциях. К тому же среди двупадежных языков имеются эргативные [2].

В трехпадежных языках Б. Блейк отмечает номинатив, аккузатив и генетив, указывая в качестве примеров новогреческий и семитские языки [17. С. 156]. В четырехпадежных языках к вышеназванным падежам добавляется дательный. Такая структура категории падежа имеется в древнегреческом, древнеанглийском, исландском, немецком, яки (юто-ацтекская семья), в некоторых нило-сахарских языках. В языках с пятью падежами в систему дополнительно входит аблатив-обликвус.

Аблатив обозначает исходную точку, но к этому локативному значению его семантика ни в коем случае не сводится, и он берет на себя ряд других функций. Такая система существовала в классической латыни. В шестипадежных языках первые четыре места также занимают именительный, винительный, родительный и дательный падежи, а далее следуют либо локатив и инструменталис, как в славянских, либо локатив и аблатив, как в турецком. При наличии в языке и локатива и аблатива седьмым может добавиться инструменталис (как в древнеармянском и ряде тюркских), а восьмым вслед за вышеперечисленными может добавиться комитатив (совместный падеж), как, например, в тамильском (дравидийская семья).

На основе этих типологических наблюдений Б. Блейк выстраивает следующую шкалу [17. С. 156]:

nom — acc/erg — gen — dat — loc — abl/instr — ...

Б. Блейк отмечает, что падежные системы строятся в определенной последовательности и что в некотором языке невозможно существование периферийного падежа, например, аблатива, при отсутствии центрального, например, аккузатива или существование комитатива при отсутствии генетива [17. С. 155].

Такая типологическая шкала отражает некоторые универсальные закономерности устройства падежных систем, но все-таки требует некоторого уточнения. Реальные падежи отдельных языков редко точно соответствуют универсальной падежной номенклатуре, тем или иным образом соединяя различные падежные функции. Так, например, русский творительный является одновременно инструменталисом и комитативом, латинский аккузатив обладает значением латива (направительного падежа), и таких примеров в литературе приводится множество. Этот факт позволяет предположить, что наряду с типологической иерархией возможно построение и, кроме того, сопоставление друг с другом иерархий падежей в конкретных языках. Также стоит обратить внимание на то, что и для одного языка иерархии могут быть построены на различных основаниях или ставить в центр внимания один из аспектов падежной системы, например, деривацию форм, порядок усвоения, частотность в тексте, функциональную значимость в морфологии, семантике и синтаксисе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аристотель*. Об истолковании // Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. — М.: ЭКСМО; СПб.: Мидгард, 2008.
- [2] *Аркадьев П.М.* Типология двухпадежных систем: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2006.
- [3] *Аркадьев П.М.* Падежи в языках мира // Лингвистика для всех: летние лингвистические школы 2007 и 2008. — М.: МЦНМО, 2009. — С. 59—71.
- [4] *Бельтюков В.И.* О закономерностях развития речевой функции в онтогенезе // Вопросы психологии. — 1984. — № 1. — С. 141—146.
- [5] *Дрёмов А.Ф.* Системная теория падежей и ее место в эволюции взглядов на падеж в лингвистике XX века // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. — М.: МГУ, 2001. — С. 164—165.
- [6] *Курилович Е.* Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. — М.: УРСС, 2000. — С. 175—203.

- [7] Лосев А.Ф. Введение в теорию языковых моделей. — М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1968.
- [8] Лутин С.А. Шкала потенциальной активности русских падежей // Вестник РУДН. Серия «Русский язык нефилологам. Теория и практика». — 2003. — № 1(4). — С. 19—32.
- [9] Лутин С.А. Истоки и суть детерминационного подхода к языку как системе (памяти Г.П. Мельникова) // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». — 2006. — № 2(8). — С. 13—21.
- [10] Лутин С.А. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. — М.: РУДН, 2008.
- [11] Мельников Г.П. Природа падежных значений и классификация падежей // Исследования в области грамматики и типологии языков: Сб. ст. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — С. 39—64.
- [12] Оленич Р.М. Александрийская грамматическая школа // История лингвистических учений. Древний мир. — Л.: Наука, 1980. — С. 214—233.
- [13] Перельмутер И.А. Философские школы эпохи эллинизма // История лингвистических учений. Древний мир. — Л.: Наука, 1980. — С. 180—214.
- [14] Сафонова Е.В. Философские основания сопоставления грамматических категорий (на примере грамматической категории падежа русского и арабского языков) // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». — 2007. — № 3. — С. 56—62.
- [15] Сафонова Е.В. Падежные валентности арабского и русского глагола: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2008.
- [16] Якобсон Р. К общему учению о падеже: Избранные работы. — М.: Прогресс, 1985. — С. 139—175.
- [17] Blake B.J. Case. — Cambridge: CUP, 2001.
- [18] Dik S. Functional grammar. — Amsterdam: North Holland, 1978.
- [19] Müller G. A distributed morphology approach to syncretism in Russian noun inflection // Arnaudova O., Browne W., Rivero M.L., Stojanovich D. (eds.) Proceedings of FALS 12. — Ottawa: University of Ottawa, 2004.
- [20] Pinkster H. Latin cases and valency grammar: some problems // Touratier (ed.) Syntaxe et Latin: actes du IIème Congrès International de Linguistique Latine, Aix-en-Provence, 28—31 Mars 1983. Aix-en-Provence: Université de Provence.

THE GRAMMATICAL CATEGORY OF CASE AS AN HIERARCHICAL SYSTEM

A.L. Novikov, M.A. Rybakov

The Department of General and Russian Linguistics
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Mikhlukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The problem of an hierarchical structure of the category of case is being raised in the article, which also deals with the criteria and goals of its study. The review of different attitudes to semantic organization of the category of case is also given in the paper, the principles of structuring the category are considered.

Key words: case, category, grammar, morphology, semantics, system, structure, typology.